

и, может быть, один лишь Пушкин, да и то не вполне. Русская литература пережила влияние романтизма, который есть явление западноевропейское. Но по-настоящему у нас не было ни романтизма, ни классицизма. У нас происходил все более и более поворот к религиозному реализму.

Б. В. ЯКОВЕНКО

<Два слова о Виссарионе Белинском>

В. Г. Белинский и русская философия

Здесь было бы уместно дать слово тому русскому мыслителю, который стоял у истоков научно-философского самовыражения русского ума и духа, а именно В. Г. Белинскому — основателю русской литературной критики и ее самому значительному представителю, выдающемуся русскому публицисту и мыслителю, который в значительнейшей мере и во многих отношениях предопределил русское интеллектуальное развитие и особенно философское воспитание следующих поколений русской интеллигенции. Он является главным предметом этого доклада.

В этом году исполнилось столетие со дня его кончины, и эта дата с благодарностью к нему была встречена как любимым русским человеком, сознающим свою связь с миром человеческих идей, так и всем Советским Союзом — официально с необыкновенной торжественностью и необычно подчеркнута.

Как раз Белинскому, чья творческая жизнь длилась всего лишь 13 лет и который умер в возрасте 37 лет, принадлежат следующие слова о современной ему русской философии: «Нет ничего забавнее русской философии и русских книг по части философии. О философии как науке у нас никто не заботится; но все наши философы думают, что для того, чтобы сделаться философом, стоит только захотеть этого. Учиться философии они не считают нужным; им легче объявить, что все немецкие философы врут, нежели прочесть хотя одного

из них. Наши философы не понимают, что у нас для философии нет еще ни почвы, ни потребности. Нашему философу вдруг, ни с того ни с сего, придет охота пофилософствовать, и так как с болтовни пошлин не берут, то, вследствие этого неожиданного припадка, явится небольшая книжка, в которой все сказано, все объяснено, все решено, кроме одного только — зачем и для кого написан весь этот вздор...»¹

Эти слова были написаны в 1845 году, а в следующем появилось дополнение: «Нельзя не заметить, что до сих пор философия не принялась на Руси; это растение доставляется нам пока в более или менее сухом виде соседями нашими, немцами — и только в немногих избранных представителях славянского мира пустило самобытные отпрыски... ..Философской литературы, наукообразного философского движения у нас до сих пор существовать не может...»²

Эти слова Белинского имели воистину провидческий характер. И не тем только, что они вполне соответствовали эпохе, которая была до Белинского, и не тем, что частью они соответствовали его собственному времени и даже ему самому. Они сохраняли свое значение на долгие годы в последующие десятилетия. Нередко с полным правом их можно применить к русской философской продукции XX века и даже наших дней. Конечно, признавая в целом справедливость сказанного Белинским, невозможно не видеть того бесспорного факта, что, начиная с семидесятых годов прошлого столетия, в России появляются значительные и даже выдающиеся по своей самостоятельности произведения философской мысли, претендующие на соответствие современному научному уровню. К сегодняшнему времени их набралось так много, что я решил на разработку и публикацию первой полной «Истории русской философии»³.

Я не намерен проследивать здесь весь ход развития русской философии и ограничусь обзором характерных фактов и тем, которыми главным образом она была занята.

Но предварительно еще одно важное основополагающее утверждение, которое должно сразу же в целом сориентировать слушателя или читателя курса русской философии. В историческом движении русского философствования не обнаруживается никакого единства и даже проявления каких-либо фиксируемых общих характерных черт. Русская философия может быть названа таковой и узнаваема именно как русская отнюдь не из-за присущего ей внутреннего систематического принципа, а также не посредством своего идеологического и структурного развития, как, к примеру, немецкая философия, однако только на основе географических и этнографических признаков и характеристик. Русская философия в строгом смысле этого понятия является не чем иным, как соединением разнообразных

философских и вообще идеологических проявлений, рассуждений и конструкций, которые возникли на территории русского государства в национальной среде не менее разнообразной по своему составу, чем идеи возникшие и обнаружившиеся в ней.

В этом комплексе нет никакой объединяющей идеи; ее даже невозможно найти; вследствие этого здесь не может быть никакого идеологического генезиса в точном смысле этого слова. В чисто хронологическом следовании, как оно медленно прогрессировало и накапливало русские философские богатства и ценности, доселе воплощалось только одно элементарное движение, а не осознанное и планомерное развитие мысли. Это означает, что историческая панорама русского философствования не предлагает какой-либо в известном смысле значительной филиации идей, равно как и оценок и существенной филиации отдельных систем и конструкций. В основоположных содержательных моментах целого ряда представителей русской мысли было бы совершенно напрасно искать следы русской традиции и русского идейного наследства.

Однако отсутствие какой-либо ясной и различаемой общей идейной линии в русском философствовании и, соответственно, невозможность непредвзято и без стилизации изложить ее как подлинный генезис не препятствует применению и проведению принципа исторического генетизма то в отношении отдельных понятий и учений, то целых идеологических направлений. И чем ближе историческая обработка русского философствования XX века, тем больше у историка русской философии накапливаются возможности, причины и основания позаботиться о генетическом методе как раз в этих двух приведенных отношениях и особенно в последнем. Когда он будет обозревать историческую панораму русской философии, то внимательному и опытному взгляду само собой откроется множество таких своеобразных коротких генетических связей и филиаций. Поэтому здесь правильнее остановиться и прямо и определенно указать на хотя бы самое главное, образующее частичную филиацию и традицию в русском философствовании.

Возможно, большая часть признаков, объединяющих русскую мысль вообще и русское философствование в особенности, определена борьбой между двумя основоположными тенденциями — между западничеством и восточничеством⁴. Во всяком случае благодаря этой борьбе русское философствование выделяет себя во все время своего прогрессирующего движения; так что с этой точки зрения вся история русского мышления и русского духа — разумеется, в чисто философском смысле лишь односторонне и неполно — могла бы быть описана с начала и до конца.

В заключение в связи со всем здесь сказанным необходимо подчеркнуть особое место и значение, которые в последние сто и более лет русской духовной и интеллектуальной жизни принадлежало и принадлежит В. Г. Белинскому. Фактически прямо к нему с необходимостью ведет целый ряд мнений, требований, решений, задач и понятий, которые внезапно и все снова оживают в русском философствовании; если даже не все существенные идейные филиации, то в любом случае самая значительная часть их коренится в его мысли. Так могла бы быть изображенной история русской философии — конечно, односторонне, но тогда же — увлекательно и поучительно — скорее как согласное развитие характерных для Белинского принципов, как борьбу или примирение одних принципов с другими, новыми и пришедшими извне. Естественно, это не означает, что Белинский был их первым инициатором или творцом, или систематично и исчерпывающе-полно сформулировал эти принципы. Но, бесспорно, он услышал, усвоил, продумал и с особой страстью и резкостью провозгласил большую часть важных философских идей, понятий, задач и требований, характерных для русской мысли. А если это происходило у колыбели русской философской жизни, собственно при рождении русского самосознания, вообще русского культурного сознания, то, следовательно, благодаря судьбе, сам Белинский стал начальным философским ступенью и школой, через которую с того времени до наших дней проходили одно поколение за другим. Эта школа постоянно их образовывала и вела как духовно, так и интеллектуально. Да, русская мысль совершенно осознанно начинается именно с Белинского: исторически — в конце тридцатых годов XIX столетия, а психологически — с каждым новым его сторонником.

Значение Белинского

В связи со всем сказанным выше о конкретном проявлении филиации идей, имеющих место в истории русского философствования, нельзя не подчеркнуть то необычайное значение, которое принадлежит в русской духовной жизни В. Г. Белинскому на протяжении 100 лет. Именно к нему с неизбежностью ведут нити целого ряда важных и существенных проявлений, требований, лозунгов, задач и понятий, которые снова и снова возникают в русском философствовании; если и не все, то по крайней мере значительная часть существенных идейных филиаций в России коренится в идейном наследии Белинского. Так что история русской философии могла бы быть представлена, конечно, однопланово, но вместе с тем с большой

пользой — либо как последовательное развитие характерных для Белинского положений и принципов, либо как борьба или соединение тех или иных из них с иными, новыми, привнесенными извне принципами. Такой взгляд и подход к истории русского философствования, конечно, не означает ни того, что Белинский являлся родоначальником или творцом этих идей, ни того, что он формулировал их концептуально и с исчерпывающей полнотой; и тем не менее именно он уловил, освоил, продумал, горячо и резко высказал большую часть главных философских идей, понятий, задач и требований, показательных для русской мысли. Поскольку это произошло на заре русской философской жизни, в самом начале становления национального самосознания и вообще русского общественного сознания, то, волею судеб, Белинскому было угодно стоять у истоков философских этапов и школ, через которые проходит с тех пор одно русское поколение за другим. Более того, с Белинского начинается сознательная русская мысль — исторически с конца 30-х годов XIX века, а в духовном плане — в лице каждого нового ее представителя. Славянофильски настроенному философско-литературному критику А. Григорьеву принадлежит крылатое выражение, что имя Белинского в истории русской литературы обвивает, как плющ, имена Пушкина, Лермонтова, Гоголя и Грибоедова, т. е. что его имя срослось с их именами, вошло в их плоть и кровь. Применительно к русской о философии это означает, что поскольку элементы и принципы русской литературы являются элементами и принципами русской мысли и миропонимания вообще, то можно сказать, что мысль Белинского — это фермент, который стимулирует творческое развитие русской мысли, освещает и вдохновляет ее. Белинским впервые были четко сформулированы и оставлены в наследство последующим новым поколениям мыслителей понятия идеи, разума, живого знания, живой истины, диалектического движения, целого, действительности, конкретности, нравственности, прогресса, народности, государства, социальности, красоты, искусства, истории, литературы, Петра I и Пушкина. Это Белинский в страстном стремлении к истине начертал и более или менее испытал альтернативу и противоположность теоретизма и практицизма, идеализма и реализма, спиритуализма и материализма, рационализма и иррационализма, детерминизма и индетерминизма, фатализма и индивидуализма, морализма и утилитаризма, альтруизма и эгоизма, эстетизма и социологизма, традиционализма и революционаризма. Таким образом, мысль Белинского не только определила, но и в немалой степени формировала и направляла все последующее содержание русской мысли и русского философство-

вания. Помимо прочего, это находит свое характерное выражение в обстоятельстве, имеющем существенное значение, а именно в том, как русские люди всегда понимали миссию и предназначение России и русского народа. Белинский провозглашал: предназначение России — всесторонность и универсальность; мы, русские, являем собой целый мир. Спустя 40 лет Достоевский доказывает его утверждением: «всечеловечность» — главная черта и предназначение русского народа; это идея «всемирного общечеловеческого единения». А спустя 40 лет, в самый ответственный момент русской истории, то же самое утверждает Е. Н. Трубецкой: Россия — примиритель наций. Сегодня правительство СССР пытается осуществить этот лозунг в своей внутренней и внешней политике.

В. В. ЗЕНЬКОВСКИЙ

<Значение Белинского в диалектике развития русской мысли>

<Фрагменты>

Вокруг имени В. Г. Белинского в русской исторической литературе давно идет горячий, донныне не умолкший спор — преимущественно по вопросу об оценке его значения в истории русской мысли. Еще недавно Чижевский в своей большой работе «Гегель в России» высказался в том смысле, что у Белинского репутация его совершенно «не заслужена»*. Конечно, нельзя отрицать того, что Белинский был прежде всего *публицист* — и даже больше публицист, чем литературный критик, но его публицистика не только исходила из философских идей, но и была пронизана ими. При изучении Белинского нужно, в первую очередь, изучать его *письма*, где он свободно излагал свои мысли и искания, — в статьях же,

* Чижевский Д. И. Гегель в России. Изд-во «Современные записки», Париж, 1939, с. 113.